

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава пятьдесят третья

Мартин Иден и Ваня-дурачок

Самая эффективная диета

На целине я о своих семейных обстоятельствах мало думал. А вернулся – и они предстали передо мной в образе жены Валентины с большим животом и распухшими губами. Мои, достойные Чонкина, надежды на то, что за время моего отсутствия ситуация как-нибудь сама по себе рассосется, не оправдались, и жизнь обещала превратиться в полный кошмар. В комнате в 16 квадратных метров с одним окном на две семьи в одной половине, у окна, живут камешник Аркадий, его жена Галя, двое детей и теща, у двери – мы с Валентиной. Через полтора месяца нас станет трое, а потом для ухода за ребенком прибудет теща. Жаловаться не на кого. Я сам, как будто черт меня подстрекал, громоздил себе препятствия и все сделал, чтобы они оказались непреодолимыми. Громоздил, но и сам же пытался их преодолеть. Засел за работу в надежде переложить на бумагу привезенный из Казахстана готовый сюжет, но скоро увидел, что у меня ничего не получается: фразы неуклюжие, характеры вымученные. Решил применить метод, отработанный мною в стихах. Писать, писать, писать. Писать плохо, очень плохо, как получается, но не останавливаясь, двигаться дальше, писать и надеяться на чудо. Так и стал делать. Число страниц росло, но количество в качестве не переходило.

Самуил Маршак говорил молодым писателям, что в литературе главное – талант, труд и терпение. Надо раскладывать свой костер, а огонь упадет с неба. Вот я и раскладывал свой костер, а огонь все не падал.

Иногда я падал духом, думал, а за свое ли дело взялся, и, пожалуй, пришел бы к выводу, что не за свое, если бы не Камил Икрамов и Волода Лейбсон, которые продолжали восхищаться всем, что я писал. Был у меня еще один почитатель, мой двоюродный брат Витя Шкляревский, он, едва ли не единственный из родственников, верил в меня безоговорочно, сравнивал меня с Мартином Иденом, и это сравнение не было натянутым. Как Мартин Иден, я писал много, но не печатался. Нищенской стипендии мне и одному бы не хватило, а чем она была в семейном бюджете (особенно после того, как в декабре 1958 года родилась моя дочь Марина), можно себе представить. Что делать? Вернуться в плотники? Я попробовал. Знакомый прораб согласился взять меня на работу. В зимний вьюжный день я пришел на строительную площадку, помахал топором, отморозил ухо, и такая тоска напала, что на второй день я свою трудовую книжку забрал. Время от времени я занимался постройкой кому-нибудь перегородку, врезать замок, починить форточку, но работа подворачивалась лишь по случаю. Деньги я отдавал жене, а сам чем питался, не помню. Сейчас мне часто попадаются рекламные предложения дорогих, но эффективной диеты, а я точно знаю, что самая эффективная диета – когда нет денег на кусок хлеба. На одежду не хватало тем более. У меня были одни брюки, одна рубашка и одна пара ботинок. Брюки, чуть не до дыр протертые, пузыри-

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Я стал проваливаться в тяжелое забытие, и вдруг мне странным образом привиделась картина деревенского утра. Сила, которая открыла мне это видение, сдула меня с кровати, я схватил свою амбарную книгу, побежал на кухню, сел за стол и стал быстро записывать слова, которые как будто кем-то подсказывались: «Ваня-дурачок гнал через мост колхозное стадо и пел песню...»

лись на коленях и подметали пол бахромой, рубашка была застиранная, ботинки стоптанные. Сколько меня ни учили в детстве ставить ногу прямо, чтобы не стаптывать обувь, я этому так и не научился.

Мой тогдашний приятель Игорь Шаферан, живившись на дочери известного эстрадного автора, пригласил меня как-то к себе и показал блокнот тестя, где тот записывал ежемесячно свои заработки. Самый маленький был 25 тысяч, самый большой – 63 тысячи рублей. На эти деньги можно было покупать каждый месяц по несколько автомобилей, а у меня были часы Чистопольского завода, которые я закладывал в ломбард, рублей, кажется, за пятьдесят, выкупал и снова закладывал.

«Нет стихов – так напиши!»

Однажды пришел в журнал «Юность», где отделом поэзии заведовал доброжелательный Николай Старшинов. Дал ему десяток стихотворений, он посмотрел и нашел, что это все неплохо, но не то. Если бы у меня было имя, стихи прошли бы, а без имени их не пробить. Коля спросил, нет ли у меня чего-нибудь о комсомоле. Я сказал: «Нет». – «Ну так напиши. Напишешь о комсомоле, мы их опубликуем, а в следующий раз напечатает эти». Я пошел домой, написал о комсомоле. Старшинов стихи напечатал, а остальные так и остались на много лет неопубликованными.

Пребывая в стадии ученичества, я любую предложенную тему воспринимал как учебное задание, с которым надо справиться. Однажды в Доме литераторов проводилась встреча молодых поэтов с воинами-десантниками. Нам представили двух солдат, у одного из которых во время прыжка плохо раскрылся парашют, но другой успел схватить его за стропы, и они благополучно приземлились под одним куполом. Разумеется, случай этот подавался как необычайный подвиг, который могли совершить только советские во-

ины. Американские вояки (воинами они не бывают) ни на что подобное конечно же не способны. Ведущий вечера предложил конкурс на лучшее стихотворение об этом случае. Времени – полчаса. Первое место разделили Булат Окуджава и я. Булат написал: «Пускай нам так же служат строфы, как этим людям служат стропы». Свой стихок я не запомнил, но тогда послал его в какую-то газету и заработал свои двести рублей.

Кстати, о Булате. Мне всегда казалось, что у меня есть физиогномические способности. По крайней мере, трех выдающихся людей я высоко оценил авансом, просто увидев их лица. Это Андрей Сахаров, Александр Володин и Булат Окуджава.

Булат появился в литобъединении «Магистраль» чуть позже меня, осенью 1956 года. Он приехал в Москву из Калуги, где работал школьным учителем. Был принят «магистральцами» с почтением: фронтовик и уже в некотором роде признанный поэт. Большинство членов объединения гордились своими редкими публикациями отдельных стихов, а у него был целый собственный сборник. Увидев Булата, я сразу подумал, что он должен быть очень талантливым человеком, и когда был объявлен его первый творческий вечер, прибежал на него с предвкушением услышать что-то необычайное. Но был разочарован. Стихи его мне показались пустыми. Я был огорчен, что ошибся. Через некоторое время мы были приглашены к Григорию Михайловичу Левину, и там, как всегда, по очереди читали стихи. Булат опять прочел что-то, что оставило меня равнодушным, а потом, увидев в углу пианино,сел за него и спел песенку: «Однажды тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли-тирли наступил на дугу-дугу-дугу-дугу. И долго тирли-тирли и долго дугу-дугу калечили немножко друг другу». Тогда же были слыты «А нашей улице портовой» и «А мы швейцару: «Отворите двери!» – и я обрадовался, что мое первое впечатление меня все-таки не подвело. Булат впоследствии говорил, что

песню «Тирли-тирли» не помнит, и когда его спрашивали журналисты о том, с чего он начинал, отсылал их ко мне, утверждая, что я могу им рассказать больше, чем он. Это было, конечно, не так, и я до сих пор не верю, что он эту песенку в памяти не сохранил.

Одна б., две б., три б.

Те стихи о комсомоле, что появились в «Юности», я бы позже публиковать постеснялся, но тогда думал, что, пока я никому не известен, их все равно никто читать не будет, значит, и вреда от них нет никакого. Через тридцать лет, когда я вернусь в Москву из эмиграции, эти стихи будут разысканы кем-то в архиве и вновь напечатаны, чтобы показать, каким образцово-советским был автор. Вот тогда-то я этой публикации устыжусь. А пока – что ж, задание на предложенную тему выполнил, скромный гонорар получил, стихи в специальную папочку положил, чтобы при случае кому-нибудь показать: вот, печатался еще и в журнале «Юность».

По-моему, тогда же, в декабре 1958 года, состоялось совещание молодых писателей, на котором оказался и я. Участники совещания были разбиты на семинары, руководимые маститыми литераторами. Игорь Шаферан попал, на зависть мне, в семинар Твардовского, а мне в руководители достался Лев Иванович Ошанин. Наша группа состояла в основном из таких, как я, никому не известных поэтов, но двое о себе уже заявили. Первый, Эдмунд Иодковский, был автором знаменитой тогда «целинной» песни «Едем мы, друзья, в дальние края», а второй, Дмитрий Сахаров, заметного места в литературе пока не занял, зато был кандидатом биологических наук, что превратило меня перед ним в благоговейный трепет. Семейно свою Митя считал для поэта слишком сладкой и сменил ее на псевдоним Сухарев. Этих двух стихотворцев Ошанин оценил положительно, а мои стихи разнес в пух и прах как искажающие нашу советскую действ-

вительность. Особенно разругал стихотворение «В сельском клубе разгорались танцы», написав на полях: «Ну, одна б., две б., три б., но не все же». Я никаких б. вообще не имел в виду, но спорить с ним не стал. Желая понравиться участникам семинара, Ошанин рассказывал нам скабрезные анекдоты, но и о своей роли наставника советской молодежи не забывал. Помню его высказывание: «Мировоззрение у нас у всех одно, но способы изображения разные». Мировоззрение самого Ошанина было искренне советское. Когда Иодхтович прочел на семинаре стихотворение, в котором были строки: «Не хочу синицу в руках, а хочу журавля в небе», — Ошанин стихи похвалил, но заметил: «Не наша идеология. Наша идеология: журавля в руки!» — и сделал обеими руками такой жест, как будто он этого журавля уже схватил и свернул ему шею.

Будучи очень известным поэтом-песенником, Ошанин слыл твердолобым ортодоксом, за что его не любили молодые поэты. Андрей Вознесенский в стихотворении о вечерах в Политехническом музее написал: «Как нам ошанины мешали встретиться». Менее известному Льву Халифу тоже мешала «разнообразная ошань». Мое мнение об Ошанине было не столь однозначно. Спустя несколько лет я с ним познакомился заново, когда мы сидели за одним столом в Малевском доме творчества. Мне показалось, что, несмотря на свои большевистские взгляды, он человек незлой, выпивоха, любитель молодых женщин – то, что называется жизнью.

Ошанин был настолько востребованным, что вряд ли мог вообразить, что ему, как большинству наших пенсионеров, придется владеть в 90-х жалкое существование. Печатаť его перестанут, как и писать на его стихи песни, а последнюю книгу на деньги, собранные дочерью-эмигранткой, издадут в Америке.

Огонь упал!

Я сочинял стихи, бегал по редакциям, участвовал в совещании молодых писателей и каждый вечер продолжал писать повесть о целине. По-прежнему ничего не получалось.

Однажды поздно вечером, совершенно выбившись из сил и убедившись, что текст у меня получается безнадежно бездарным, без малейшего проблеска, я улегся под бок к беременной жене, стал проваливаться в тяжелое забытие, и вдруг мне странным образом привиделась картина деревенского утра. Странность была в том, что я как будто видел одновременно и саму картину, и текст, которым она должна быть описана.

Сила, которая открыла мне это видение, сдула меня с кровати, я схватил свою амбарную книгу, побежал на кухню, где, слава богу, никого не было, сел за стол и стал быстро записывать слова, которые мне как будто кем-то подсказывались: «Было раннее утро, и трава, облитая обильной росой, казалась черной и жирной. Слабый ветер шелестел в камышах и шевелил над Ишимом тяжелые клубы тумана. Ваня-дурачок гнал через moist колхозное стадо и пел песню. Губы у Ивана толстые, раздвигаются с трудом, поэтому песенка получалась приблизительно так: «Не флыфны в фаду даве форохи, вфе вдефь вамерло до утра...»

До утра я исписал два десятка страниц и понял: теперь все получится. Огонь с неба упал!

Продолжение следует

Взнос на Крафтманс 70.03.06